

«Мне приснились белые птицы»

средств, нам было бы легче жить. Но это уже был бы не театр дедушки Дурова, открытый для всех. У нас самые дешевые в Москве билеты, у нас зарплата у зрителя 80 тысяч рублей, а заслуженный артист при всех регалиях получает не более 250 тысяч и при этом должен в месяц отыграть 40 спектаклей.

Кому-то выгодно мало платить артистам, но мы не продаемся. Точнее сказать: не все продаемся. Есть профессиональная честь, достоинство, этика. Лизоблюдство непозволительно. Почивать на чужих лавах непристойно, предавать позорно. Каким угодно кодексом это назовите — библейских ли заповедей или моральных свобод, — дело не во времени, не в эпохе, не в политическом строе, а в человеке и его воззрениях на общество.

К сожалению, многое хорошее уходит из нашей жизни. Я бы сказала, выдворяется из обихода, из сознания, из взаимоотношений. Мы были коллективистами и знали: случись какая беда, да еще где-нибудь на чужбине, — пропасть не дадут, помогут. Было такое чувство Родины, что за нами стоит страна. Ну а что сейчас? Человек никому не нужен. Сегодня, кстати, получила по факсу отчаянное письмо от известного артиста цирка Бориса Федотова: «Теряем надежду, что когда-нибудь сможем вернуться в Россию». Подобных историй много: обманул продюсер, денег не заплатил, нет средств выехать, голодают артисты — люди и животные. Куда ни обратятся, ответ один: «Ваши проблемы». Вот так. Это ведь тоже политика — отчуждения, унижения.

— Наталия Юрьевна, позвольте здесь мне снова вернуться к вашему эссе и прочитать: «...слишком зряча спешащая навстречу жизни юность, чтоб ничего не разглядеть, и понять с годами, позже, что властью проверяют человека...».

— Пожалуй, да. Вы спрашивали, когда мне приснились белые птицы? Недавно. Они рядом и не улетают. А в первый раз прилетели перед той нашей Победой. Да, давно это было? Мне кажется, вчера. У меня много разных наград и званий. Раз или два я надевала их все. Нынче — на открытии музея великого маршала Георгия Константиновича Жукова на его родине. Выступала на митинге и сказала, что самая моя первая награда и самая большая — гвардейский значок, прикрепленный Жуковым к моей кофточке после выступления нашей фронтовой бригады перед бойцами. Мне было 10 лет.

А теперь меня судят. За что? Не даю разорвать живое тело дуровского детского уголка между основным коллективом театра и созданной альтернативной группой. За то, наверное, что в 1978 году передала безвозмездно государству наследственный дуровский особняк с музеем, малой сценой, помещениями для зверей! И не знаю, за что еще. Может быть, за моих белых птиц тоже.

...На другой день я снова иду в театр, тихо сажусь в зрительном зале. И белые птицы летят.

Луиза ГЛАДЫШЕВА.
Москва.

помню войну, эвакуацию. Мне было семь лет, и я выступала в госпиталях, во фронтовых бригадах перед бойцами. А недавно они снова приснились, и было дивное голубое утро... — Она улыбнулась по-детски доверчиво и беззащитно. И тут же решительно поднялась с кресла, словно боялась, что та девочка из детства расслабит ее, взрослую и сильную. — Пора на сцену, сейчас будет репетиция. — И пошла через анфиладу уставленных клетками комнат, грациозно ступая, сама как удивительная белая птица.

...Шла репетиция. Красавцы морские львы, недавнее приобретение в Нидерландах, занимали места на предназначенных им тумбах.

— Ах, Гутя! — выговаривала непослушному зверьку Наталия Юрьевна. — Понимаю, ты совсем еще ребенок, но я тебя избаловала, избаловала, и вот ты позволяешь себе.

Гутя снова подтягивалась на лапах и виновато тыкалась мордочкой в ласковые руки.

Отыграв, смешно переваливаясь, уходили со сцены морские львы, выходили другие «артисты», а Наталия Юрьевна оставалась на своем месте, и серебристая цапля, изящно созданная гениальным художником — природой, то шла рядом с дрессировщицей, то садилась на ее маленькую руку и замирала. А потом прилетели белые птицы! Они действительно прилетели, прекрасные пеликаны. Им мало было яркого света и очерченного рампой пространства, и они полетели над зрительным залом, купаясь в лучах прожекторов, и я слышала вздохи их сильных крыльев, утомленных неволей.

Прилетели птицы... Мы снова сидим с Наталией Юрьевой за маленьким столиком. Она без грима, в рабочем платье, которое не успевает зашивать от когтей и когтей своих питомцев. Театр зверей, который возглавляет по семейной традиции, — единственный в своем роде театр для детей, где «артисты», меньшие наши братья, учат делиться хлебом, защищать слабых, уважать старших, не обманывать, усердно учиться. Уж если нас звери учат, что нам, людям, остается?!

Известен классический дуровский спектакль под названием «Мирная конференция», когда за одним столом, из одной чашки ели медведь, волк, лиса, петух, козел, свинья... Звери могут ужиться, а люди? Спектакль не случайно был задуман великим клоуном и дрессировщиком: начало века, первое беспокойное десятилетие,

грядет второе — с мировой войной... Вечная тема войны и мира даже в таком редком и веселом жанре искусства, как цирк, дрессура.

Из воспоминаний современников о братьях Дуровых мы знаем, что их сценки и клоунады отличались политической направленностью в защиту добра, справедливости, обиженных на Руси. Может быть, тогда у большей части интеллигенции, как говорили, передовой интеллигенции, было острее развито чувство ответственности или время было какое-то другое?

— А что время?! — живо откликается Наталия Юрьевна. — Истина, что без культуры нет развития государства, не подлежит пересмотру, я в этом уверена. Время, в которое мы живем, безмерно интересное, и важно только не потерять своего лица, ни убеждений, ни постулатов, ни стимулов. Многие из нас рабственно восхищаются: «Накопец можно говорить, что думаешь». Понимаете, в этом смысле я с ними согласна. Но «что думаешь» не всегда бывает правдой. Тот, кто действительно нес правду и боел за нее, и страдал, он и раньше говорил, не стеснялся и не боялся. Как-то очень быстро, суется, толкается и пробиваясь в «новые», сбросил со счетов истории опыт духовной народной жизни, из которого черпались силы противостоять злу.

Я из своей жизни не вычеркнула ни одной страницы, не жгла свой партийный билет на потеху толпе. Мне нечем стыдиться ни в прошлой жизни, ни в нынешней. Продолжаю служить

своим искусством народу. Высокопарно, да? Но ведь народу! Детям! О том, что нельзя воспитывать молодое поколение с долларовой прозеленью в глазах и застывшим рублевым зрачком, я говорю, и многие сегодня об этом говорят обеспокоенно. Но я свободно сказала об этом в 60-е годы в газете «Правда». В 60-е же годы Н. С. Хрущев рещает с выделением участка земли в пойме Москвы-реки для создания детского уголка чудес дедушки Дурова! Это мечта всей династии и всех поколений Дуровых, и я надеюсь, при моей жизни осуществится. В конце концов это надо не нашей фамилии. Это — национальная принадлежность России, ее достояние. Можно много развлекательного позаимствовать, что сейчас и делается, — диснейленды, луна-парки, какие-то фантастические и страшные аттракционы с такими же дичайшими ценами на них. Но дуровского уголка чудес нет нигде в мире, и он наш, родной, от самых корней народных, живой и добрый.

Театр зверей разрастается в замечательный детский культурный центр, где бережно сохраняется музей Дурова с традиционными литературными и музыкальными встречами. Начало им положили задушевные друзья семьи — А. Чехов, Ф. Шаляпин, С. Есенин, Л. Собинов, И. Эрэнбург... Работает лекционный зал, пони-центр. В планах у нас строительство дельфинария, манежа, создание школы-студии дрессировщиков дуровской науки дрессуры самых разных животных — от мышки, тигра и

до слона — любовью, прятиком, но никогда — кнутом.

— Вы сказали, Наталия Юрьевна, не растерять, не разменять стимулов. У нас в подсознании как-то отложилось от массового соцсоревнования, что ли, — двигатель моральный, материальный...

— Не об этом речь, стимул у Дуровых был один, и это прослеживается четко на протяжении столетий — служить Отечеству, не прислуживать кому-то, а служить Отечеству. Вот я служу народу, детям. Мне лестно, что, побывав у нас в театре, девочки играют в Дурову-дрессировщицу. Наверное, нравится сверкающий наряд, в котором я выхожу на сцену, их привлекает музыка и манит яркий свет. Они не знают, что королева я — на сцене, а в жизни — золушка, у которой много работы и много обязанностей. Я знаю, что я крутом и всем должна, должна, должна... А если разобраться, вроде бы и не занимала, значить, и не должна?

Наталия Юрьевна спрашивает себя. Вопрос для совестливого человека всегда мучительный — трудно быть судьей собственных мыслей и жизненных поступков. Моя политика — дети, размышляет мудрая собеседница. Это самая большая из всех существующих в мире политик, и самая необходимая, многотрудная и самая благодарная. Не понимать этого нельзя. Что значит лишить ребенка праздника, радости в детстве? Это заведомо растить нравственно ущербного человека, ладно, если просто бездаря, инертного, серого, а если злого, равнодушно-

го? А если не отдельных Петю, Васю, Машу, а в целом поколения? А если не одно поколение, а два, три... Да это же гибель государственная. Недавно был такой случай: один бизнесмен предложил закупить у нас весь спектакль... всего для двух зрителей — жены и сына.

— Играли для двоих в пустом купленном зале?

— Что вы?!

Вспоминается урок, преподнесенный мне моим отцом. Снимался фильм «Слон и веревочка». Режиссер его Илья Фрэнз, друг нашей семьи, попросил меня у отца на роль маленькой героини фильма и даже принес бланк договора. Отец велел мне прочитать вслух. Слово «договор» было непонятным, и я прочитала его более привычным — «выговор». Взрослые смеялись, а отец серьезно сказал: «Какая же она артистка? Вы возведете ее в необоснованную ложную величину, и в результате будет пустышка, побрякушка».

Нашли другую, похожую на меня девочку, а я дублировала там, где надо было «общаться» со слоном. Я не попала тогда в «великие». Но случилось так, что звание народных нам давали одновременно — мне и моему первому в жизни режиссеру Фрэнзу. Он был уже стар, плохо видел, и я вела его под руку. И мне было горько, обидно, что так поздно пришла к нему заслуженная награда.

Артист — это не звание и не работа. Это, как мне кажется, подвижничество, на которое человек обрекает себя и свой талант. Мне бесплатные шефские спектакли легче отработать для сирот, воспитанников детских домов — удовлетворения больше. Мы участвуем в благотворительных акциях и не берем за пожертвования справки, чтобы нам уменьшили за это налоги. Стыдно, по-моему, брать справку о перечисленных, скажем, средствах несчастным детям Чечни. Сотласны? Для детей бы надо вообще делать бесплатным все, что работает на воспитание, на формирование личности, богатой, разносторонней, физически крепкой.

Существующей ныне политикой, основанной на деньгах, на обогащении, мы изгоняем детей из их рая, из необходимых им интеллектуальных и биологических сфер жизни — из театров, спортзалов, парков, музеев, картинных галерей. Нельзя, чтобы книги для детей стояли дорого. Простите, разве это не политика? Мне говорят: отпускная цена на вашу новую книгу 15 тысяч рублей. Но это же не отпускная так называемая, а отказная цена.

Если бы в нашем театре действовали так же, наверное, мы имели бы больше